

УДК 413.0+811.512.3
DOI 10.17223/18137083/59/15

Л. Д. Шагдаров, Б. Д. Цыренов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Словообразовательное гнездо в китайском и российском монголоведении

Статья посвящена структуре и принципам строения словообразовательного гнезда в китайском и российском монголоведении. Авторы проводят сравнительный анализ конструкций словообразовательных гнезд в бурятском, монгольском и калмыцком языках. В результате выявляются относительные различия в их строении. Китайский монголовед Сэцэн-Цогто в словообразовательном гнезде своего словаря применяет «цепочечный» принцип: производные слова следуют друг за другом после корневого слова. В российском монголоведении используются другие формы построения гнезда. В калмыцком языке применен ступенчатый принцип, а в бурятском – один из исследователей предлагает принцип «грозди». Авторы статьи приходят к выводу, что ступенчатый принцип для построения словообразовательного гнезда в монгольских языках предпочтительнее, но этот принцип может дополняться «гроздевым».

Ключевые слова: словообразование, словообразовательное гнездо, словарь, монгольские языки.

До образования Китайской народной республики изучение монгольских языков и диалектов Китая было недоступно для российских монголоведов. После образования автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) развернулась широкая работа по исследованию говоров и диалектов во всех аймаках АРВМ, в которой стали принимать участие и советские ученые. Было установлено, что в КНР представлено несколько разновидностей монгольского языка. Кроме собственно монгольского языка, были выявлены несколько других языков монгольской группы: ойратский, дагурский, дунсянский, баоаньский и шира-югурский.

В мае 1956 г. в г. Хухэ-Хото состоялась первая научная конференция по актуальным вопросам монгольских языков и письменностей КНР. Широко обсуждал-

Шагдаров Лубсан Доржиевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия; smihl@mail.ru)

Цыренов Бабасан Доржиевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия; tsyrenovbabasan@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 2
© Л. Д. Шагдаров, Б. Д. Цыренов, 2017

ся вопрос о переходе монголов на новый алфавит, применяемый у монголов соседней МНР, т. е. на кириллицу. Также предлагалось в качестве основы нового литературного языка целиком принять халхаский диалект, ибо признано, что диалекты Внутренней Монголии (язык чахаров, горлосов, удзумчинов, абаганатов, хорчинов, харчинов, уратов, туметов, ордосцев, джунгаров) и халхаский диалект (в МНР) в основе своей едины, это диалекты одного языка – собственно монгольского. Как пишет проф. Г. Д. Санжеев, «халхасцы занимают центральное положение в общемонгольском лингвистическом мире и составляют наиболее компактную группу среди носителей данного языка» [Санжеев, 1953, с. 55–56]. Однако раздельное существование диалектов Внутренней Монголии в течение нескольких веков в иноязычной среде способствовало появлению в них особенностей, основанных на исконных различиях. Другая группа китайских монголоведов¹ выступала за то, чтобы в основу нового литературного языка положить один из диалектов Внутренней Монголии, а именно восточный диалект (хорчинский говор), на котором говорит 80 % собственно монгольского населения.

В дальнейшем, в 1957–1965 гг., позиция китайского руководства в вопросе о реформе графики национальных меньшинств резко изменилась и правительство АРВМ отменило принятое в 1958 г. решение о реформе монгольской письменности. Старомонгольская письменность, имеющая более чем семисотлетнюю историю, продолжает употребляться во Внутренней Монголии.

В своем труде «Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении» Ц. Б. Цыдендамбаев пришел к выводу, что основополагающие, конститутивные признаки строя бурятского языка идентичны с таковыми других монгольских языков [Цыдендамбаев, 1979]. Этот вывод подтверждается и на материале словообразования. Так, языковеды Внутренней Монголии при строении словообразовательного гнезда и выделении корневой морфемы придерживаются тех же принципов, что и бурятские языковеды. В учебном курсе монгольского языка «*Odu-a üy-e-yin mongyol kelen-ü jüi*» («Грамматика современного монгольского языка») известный лингвист проф. Чингэлтэй² пишет, что слово в монгольском языке членится на две части – корень (*ijayur*) и суффикс (*dayaburi*). Монгольский язык является языком агглютинативным (*jilyamal sinji-tei*). Ему чужды инфиксы (*oroγulburi*) и префиксы (*uytuburi*), имеется лишь суффикс. Далее отмечается, что суффиксы можно присоединять один за другим. Суффиксы могут иметь либо лексическое значение (*üges-ün sang-un udqa-tai*), либо грамматическое

¹ Монголоведение в Китае в качестве отдельной научной дисциплины возникло после образования Китайской народной республики в 1949 г. Наиболее бурное развитие монголоведение в этой стране получило с провозглашением «политики реформ и открытости» в 1978 г., когда государство стало уделять много внимания развитию национальных меньшинств. В это время в г. Хухэ-Хото в университете Внутренней Монголии было положено начало монголоведных исследований. В педагогическом университете Внутренней Монголии был основан центр монголоведения. В институте общественных наук Внутренней Монголии, а также в Академии социальных наук Китая, Пекинском университете, а также в университетах таких городов и провинций, как Нанкин, Синьцзян, университетах Кук-Нора, Ганьсу, Харамурина, Гирина, Ляонина открыты монголоведные факультеты, исследовательские центры. В КНР действуют Общество изучения монгольского языка Китая, Общество изучения монгольской литературы Китая и др. За это время, особенно в последние 30 лет изданы сотни монографий, тысячи научных статей по монголоведным темам. В настоящее время Китай является одним из мировых монголоведных центров.

² Чингэлтэй (1924–2012) – профессор, видный научный, общественный, политический деятель Внутренней Монголии КНР, работал в ряде институтов и университетов Внутренней Монголии, а также в органах региональной власти. В своих исследованиях касался всего круга вопросов монголистики, его перу принадлежат десятки монографий, научных статей в области изучения монгольских языков и диалектов Китая. Этой теме посвящен целый ряд его монографических исследований.

(*kelen-ü jüi-yin udqa-tai*). Однако иногда они могут одновременно обладать и лексическим и грамматическим значениями. Суффиксы, которые располагаются в конечной части слова и имеют только грамматическое значение, иногда называются конечными суффиксами (*tegüsbüri dayaburi*), или окончаниями (*segül*) [Cengeltei, 1984].

Характеризуя корневую морфему, автор считает, что она бывает односложной, двусложной и иногда трехсложной. Некоторые корневые морфемы употребляются как самостоятельные слова, например: *yar* 'рука', *kiil* 'нога', *ab* 'возьми', *üg* 'отдай', *uyila* 'плачь' и др. Такие слова называются также корневыми словами (*bey-e ben dayaqu ijayur* или *ijayur üge*) [Ibid.]. То же имеем и в бурятском языке. Как пишет проф. Ц. Ц. Цыдыпов, «Слова, которые не произошли от других слов, называются корневыми словами: *хун* 'человек', *мал* 'скот', *газар* 'земля', *уһан* 'вода', *улаан* 'красный', *сагаан* 'белый', *хоёр* 'два', *гурбан* 'три', *би* 'я', *ши* 'ты', *ошо* 'уйди', *яба* 'иди' и т. д.» [Цыдыпов, 1988, н. 18]³.

Некоторые корни не употребляются в отдельности и, по определению проф. Чингэлтэй, называются несамостоятельными корнями (*bey-e ben dayaqu ügei ijayur*). Например, к ним относятся *ца-* в словах *цаган* 'белый', *casu* 'снег', *цаyasu* 'бумага', сочетание *dege* в словах *deger-e* 'наверху', *degeši* 'вверх', *degedüs* 'высшие'. В русском языкознании такие корни называются связанными. Они никогда не равняются основе слова, всегда употребляются в сочетании со словообразовательными аффиксами: *обуть*, *разуть*; *добавить*, *прибавить*; *улица*, *перулок*. Корни *-у-*, *-бав-*, *-ул-* в этих словах ничего не обозначают и сами по себе, без сочетания со словообразовательными аффиксами, не выражают внятного смысла и поэтому в строении словообразовательных гнезд не участвуют [Краткий справочник..., 1995, с. 155].

Г. Д. Санжеев разбирая те же корни, что и проф. Чингэлтэй, отмечает, что слово *сай-* 'белеть', 'светить' содержит омертвелый корень *са-* и формант *-й-*, восходящий к более древнему *-йи*, и стоит в ряду слов типа *цаган* 'белый' (из *ца-* + *-ган*). По его мнению, в словах *дээрэ* 'наверху', *дээшэ* 'выше', *дээжэ* 'лучшее', 'отборное', 'высшее' обнаруживается омертвелый корень *дэ-*, по старомонгольски *de+ge+re*, *de+ge+gši* и *de+ge-ji* [Грамматика..., 1962, с. 161–162]. Таким образом, Г. Д. Санжеев выделяет корень *дэ-*, а не *дээ-*. Как отмечает Чингэлтэй, иногда встречаются сложные корни, восходящие к двум отдельным словам. Например, *abčiraqu* 'принести' образовалось от слов *abči* 'взяв' и *irekü* 'прийти', *duuyarqu* 'говорить' – от слов *duu* 'звук' и *yarqu* 'исходить, выходить' [Cengeltei, 1984, п. 366–367]. В подобных образованиях, как замечает Г. Д. Санжеев, происходит сращение формы соединительного деепричастия и вспомогательного слова. По его мнению, в данном случае образуются синтетические видовые формы глагола, например: *харжсайна* 'смотрит' из *хаража* 'глядя' и *байна* 'стоит, находится' (вспомогательный глагол), *бэшэжайна* (*бэтчээнэ*⁴) 'пишет' из *бэшэжэ*, деепричастия от *бэшэхэ* 'писать' и *байна* 'стоит, находится' (вспомогательный глагол) и т. д. [Грамматика..., 1962, с. 161–162].

³ Здесь и далее переводы с бурятского и старомонгольского языков осуществлены авторами статьи.

⁴ Форма *бэтчээнэ* возникает в разговорной речи. Г. Д. Санжеев, по всей видимости, в данном случае привел форму крайне тесного слияния двух глаголов, составляющих аналитическую конструкцию: *бэш(э)жэ* + (*б*)*айна* → *бэтчээнэ* 'пишет (в данный или какой-либо определенный момент)', при котором вспомогательный глагол-связка превращается в суффиксид, а его гласные в результате прогрессивной ассимиляции уподобляются гласной [э] основного глагола, а [ж] – переходит в глухой [ш]. Путь такой трансформации можно продемонстрировать такой цепочкой: *бэш(э)жэ* + (*б*)*айна* → *бэшжайна* → *бэшиайна* → *бэшчайна* → *бэшчээнэ* → *бэтчээнэ*.

Новые слова в старомонгольском языке образуются посредством присоединения к корню суффиксов, например: *usu + la → usula* ‘напой’, *kereg + se → keregse* ‘используй’, *dzaki + y-a → dzakiy-a* ‘заказ’, *mede + ge → medege* ‘сообщение’ и т. д. Два первых примера иллюстрируют образование глаголов от имен, два последних, наоборот, – имен от глаголов.

К подобным производным словам можно присоединить словообразовательный или словоизменяющий суффикс и получить новое слово или форму с новым грамматическим значением. Например: *keregse + l → keregsel* ‘средства, материалы; инструмент’, *usula + lta → usulalta* ‘водопой’, *dzakiy-a + la → dzakiyala* ‘закази’, *medege + le → medegele* ‘известия, донести’, *keregsel + ün → keregsel-ün* ‘деловой’, *dzakiyala + cai → dzakiyalacai* ‘пусть закажет’ и т. д. В этих примерах первые два слова – новые имена, образованные от глаголов, два следующих слова – производные глаголы, образованные от производных имен существительных, два последних слова – имя существительное (*jinkini ner-e*) и глагол (*üyile üge*), к которым добавлены суффиксы с грамматическим значением.

Имеются производные слова, в которых выделяется несколько словообразовательных суффиксов и словоизменяющий суффикс, присоединяемые последовательно к слову. Например, в слове *bolbasurayulqu* ‘обрабатывать’ выделяются: 1) корень *bol-* – глагольное слово; 2) суффикс *-basun*, посредством которого образовано прилагательное *bolbasun*; 3) суффикс *-ra*, при помощи которого образовался глагол *bolbasura* (конечный *n* выпал); 4) суффикс *-yul*, посредством которого образована форма побудительного залога (*busud-iyar üyiledügülkü keb*); 5) суффикс *qu*, при помощи которого образовано причастие (*temdeg üyile*; монг. *үйл нэр*)⁵ *bolbasurayulqu*, могущее быть определением (*tododqal*).

Другой пример – *üyiledbürilel-ün* ‘производственный’, разлагается: 1) на корень *üyile-* – имя; 2) суффикс *-d*, посредством него образовался глагол *üyiled*; 3) суффикс *-büri*, при помощи которого образовалось имя *üyiledbüri*; 4) суффикс *-la*, посредством него образовался глагол *üyiledbürile*; 5) суффикс *-l*, при его помощи образовалось имя *üyiledbürilel*; 6) суффикс *-ün*, при посредстве которого образовалась грамматическая форма *üyiledbürilel-ün*, которая может выступать в качестве определения.

Как поясняет Чингэлтэй, в приведенных примерах корни *bol-* и *üyile-* в то же время квалифицируются как непродеривированные основы (*üge-yin angqan-u ündüsü*); *bolbasun* и *üyiled* – вторичные основы (*qoyaduyar ündüsü*); *bolbasura*, *üyiledbüri* → третичные основы (*yurbaduyar ündüsü*), а *-ün* в *üyiledbürilel-ün* является конечным суффиксом (окончанием слова) [Čenggeltai, 1984, p. 173].

Чингэлтэй отмечает, что некоторые суффиксы, наряду со словообразовательной, обладают и словообразовательной функцией. Например, *sayin + čul → sayičul* ‘переводники, лучшие’, *baγ-a + čud → baγačud* ‘мальши’, *kögčün + d → kögčid* ‘старик»; *keüken + d → keüked* ‘девочки’ и т. д. В этих примерах суффиксы выражают грамматические значения множественного числа, в то же время они формируют и лексические значения [Ibid.].

В следующих и подобных примерах суффиксы выражают в глаголах значение залога (грамматическое), формируя в то же время лексическое значение: *bari + ldu → barildu* ‘схватись, ухватись; борись’, *yabu + yul → yabuyul* ‘отправь, отошли’, *ide + gde → idegde* ‘быть съеденным’, *kür + ge → kürge* ‘проводи, доставь’. Некоторая часть суффиксов множественного числа, суффиксов числительных (*-yula*, *-γad*, *-duγar* и т. д.), суффиксы *-kan*, *-btur* и т. д., специальные суффиксы служеб-

⁵ В статье приняты сокращения: языки: бурят. – бурятский, монг. – монгольский; лексические пометы: возвыш. – возвышенное, перен. – переносное, прям. – прямое, эвф. – эвфемизм.

ных слов (*si, gur, dai* и т. д.), а также часть залоговых суффиксов в разной степени выполняют словообразующую и словоизменительную функции.

Суффиксы падежей имен (*teyin ilyal-un dayaburi*), суффиксы принадлежности (*qamiyadaɣulqu dayaburi*), наклонения глагола (время и лицо – *čay ba bey-e*), деепричастий (*nöküčel üyile*) и другие включаются в число так называемых конечных суффиксов. Что касается суффиксов причастий, то в случае, если данное причастие выступает в функции сказуемого главного предложения (*youl ögülberiyin ögülekin*), его суффиксы рассматриваются как конечные, а если же оно употребляется в функции имени (в этом случае к нему можно присоединить падежные суффиксы), их можно рассматривать как словоизменительный суффикс в составе основы. Подобно словообразовательным суффиксам, словоизменительные суффиксы могут употребляться подряд и могут следовать один за другим (*baysi-nartai-ban* ‘с учителями-своими’, *amuskital-a-ban*, бурят. *амяа даратаргаа* ‘на время передышки’).

Обычный порядок следования корневой морфемы, словообразовательного суффикса, словоизменительного суффикса, конечного суффикса представлен в таблице.

Основа слова				
Корень слова или производная основа	Словообразовательный суффикс	Словообразовательный и словоизменительный суффиксы	Словоизменительный суффикс	Словоизменительный конечный суффикс или окончание слова
Суффиксы				

В редких случаях словообразовательный суффикс может располагаться после словоизменительного (словообразовательно-словоизменительного) суффикса. Например, после залогового суффикса глагола может оказаться «чистый» словообразовательный суффикс. В особых случаях после конечного суффикса может располагаться и словообразовательный суффикс. Последний случай встречается в сочетаниях типа *tan-u-kin* (бурят. *танайхин*) ‘ваши (о членах семьи, какой-либо группы и т. д.)’.

Как видно из обзора, в котором нашли отражение наиболее признанные положения китайских монголоведов, при членении слова на морфемы и их интерпретации они придерживаются тех же принципов, что и российские монголоведа. Разница заключается в том, что для обозначения конечной морфемы в российском монголоведении не используется термин «суффикс». Разумеется, следует учитывать, что монголы Внутренней Монголии продолжают пользоваться старомонгольским языком, истоки которого уходят к началу XIII в.

В 1988 г. китайским монголоведом Сэцэн-Цогто (или Сэчэн-Чогто)⁶ был издан «Словарь корневых слов старомонгольского языка» [Secen-Coγto, 1988]. В этом словаре корневые слова выделены по такому же принципу, что и у бурятских языковедов.

⁶ Сэцэн-Цогто (род. в июне 1951 г.) – профессор, специалист в области диалектологии монгольских языков, автор «Словаря корневых слов старомонгольского языка», издания на монгольском языке, впервые за всю историю монголоведения удостоенного государственной премии. Его перу также принадлежат труды по вопросам государственной языковой политики в отношении малых языков Китая. Он автор нескольких монографий, десятков научных статей.

Корнем в монголоведении считается общая часть родственных слов, которая остается неизменной в процессах морфологической деривации. Корень выражает общее значение родственных слов. Однако большая часть древних корней монгольских языков, выделяемых путем этимологического анализа, семантически выветрилась.

Поскольку с позиций общего языкознания корневая морфема должна быть значимой, российские монголоведы в словообразовательных гнездах в качестве исходного слова используют основу слова, совпадающую, в частности, с именительным падежом имени или форму 2-го лица побудительного наклонения глагола. Так, в лексико-словообразовательном гнезде Д. Ш. Харанутова в качестве вершинного слова использует слово *мори(н)* 'лошадь, конь'. На первой ступени от вершины располагаются деминутивы, образованные при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов *-хон* и *-сор*: *морихон* 'конёк, лошадка' и *морисор* 'лошадёнка'. Далее идут *морирхог* 'имеющий много лошадей; заботящийся о своей лошади', *морирхохо* 'хвастаться своей лошадьё'. Как отмечает автор, в грозди⁷ первого яруса наличествуют антонимы *моригүй* 'безлошадный' и *моритой* 'имеющий коня, лошадь; верховой', которые образовали свои производные: от *моригүй* → *моригүйдэхэ* 'не иметь лошади, нуждаться в лошади' и *моригүйрхэхэ* 'говорить про свою безлошадность, отговариваться отсутствием лошади, мучиться из-за неимения лошади' [Харанутова, 2012, с. 225].

На первой же ступени располагается глагольная лексема *мордохо* 'садиться верхом на лошадь, отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать'. От *мордохо* образуется ряд производных: *мордолго* 'отъезд'; прилагательное *мордолгын* – *мордолгын урда тээхи* 'напутственный (букв.: перед тем, как уехать)'; *мордохын* – *мордохын мэндэ* 'напутственное приветствие', *мордохо дээрээ* 'на прощание', *мордохуулга* 'провода (в дорогу)'. Как поясняется, данный глагол в результате метафоризации стал служить для выражения особого концепта⁸ «уход в мир иной»: *мордохо* 'умереть, т. е. уехать, уйти к предкам, в мир иной', от него образовано прилагательное *мордохон* (*хун*) 'умерший, ушедший в мир иной (человек)'.

Другая глагольная лексема *морилхо* 'соизволить пожаловать', выражает концепт «приезд высокопоставленного лица». От этого слова тоже возможно образовывать производное слово.

В словообразовательное гнездо с исходным существительным *морин* 'конь' Д. Ш. Харанутова включает также устойчивые сочетания слов, которые квалифицируются ею как сложные слова. Как отмечает автор, для бурятского языкового сознания актуальным является отношение человека к данному животному и его оценка. Конь являлся постоянным спутником кочевника-степняка и играл важную роль во всей его жизни, в его хозяйственной, духовной и ратной деятельности. Поэтому в исследуемом словообразовательном гнезде много производных сложных слов с положительной коннотацией, слов с субъективно-оценочным значением, многочисленны эпитеты и определения, связанные с конем и включаемые ав-

⁷ Д. Ш. Харанутова при построении словообразовательного гнезда бурятского слова противопоставляет принцип грозди (гроздевой принцип), введенный ею в оборот [Харанутова, 2012б, с. 131–141], цепочечному и ступенчатому принципам. Первый принцип предполагает расстановку всех производных корневого слова друг за другом, как это сделано в словообразовательном словаре монгольского языка, рассматриваемого в данной статье (автор Сэцэн-Цогто), а второй – ступенчатое (лесенкой) расположение производных, как, например, в калмыцком словаре и словообразовательных словарях русского языка.

⁸ По терминологии, принятой у Д. Ш. Харанутовой. Авторы данной статьи предпочли бы термин «значение».

тором в состав этих слов. К ним относятся *морин галдан* ‘благословенный конь’, *морин эрдэни* ‘конь-сокровище’ [Там же, с. 224].

К производным составным словам отнесена калька с тибетского языка *хиш морин* ‘символический воздушный конь’, показывающий состояние благополучия человека. Возникает вопрос, можно ли считать кальку фактом словообразовательной системы бурятского языка или кальки должны рассматриваться только в лексике? Вопрос решается положительно, ибо иноязычность их ограничивается лишь тем, что они возникают по словообразовательным моделям чужого языка, однако корни и аффиксы, т. е. строительный материал, их составляющий, не заимствованный, а свой.

Сложное слово *хиш морин* ‘символический воздушный конь’ обладает вторым значением ‘вдохновение’, от которого образуется прилагательное *хиш моритой* (*хун*) ‘(человек), обладающий небесным (воздушным конем)’. Так называют талантливого, со светлой душой человека.

Лошадь выступает символом чего-то большого, на основе чего при переходе *морин* ‘конь’ в относительное прилагательное в нем возникает переносное значение ‘непомерно большой’ и сложные существительные: *морин шоргоолзон* ‘термит’, *морин ульгэр* ‘большая былина’, *морин хонхо* ‘большой колокол’, *морин самса* ‘долгополая рубаха’.

Вообще со словом *морин* появилось много устойчивых сочетаний, и в связи с этим возникают трудности при их квалификации. Например, *морин косилка* ‘конная сенокосилка’ как будто обладает всеми признаками сложносоставного слова: обозначает одно понятие, один денотат, выступает в роли одного члена предложения, имеет полную парадигму словоизменения имени существительного, от него возможно образование нового слова – *морин косилкашан* ‘работающий на конной сенокосилке’. Если признаем его сложным словом, за ним потянутся другие подобные образования: *морин тармуур* ‘конные грабли’, *морин хамуур* ‘конное пихло’, *морин тээрмэ* ‘конная мельница’, *морин тэргэ* ‘телега, запрягаемая лошадьми’, *морин шарга* ‘санная запряжка’. Сюда же примыкают *морин харгы* ‘проселочная дорога’, *морин туруутан* ‘непарнокопытные’, *морин хуур* ‘морин-хур’, от которого образовано слово *морин хууриан* ‘морин хурист’, *морин сэргэ* ‘кавалерия’. Однако Д. Ш. Харанутова не включает все эти образования в состав компонентов словообразовательного гнезда. Между тем относительно последнего образования имеется авторитетное высказывание известного монголоведа В. М. Надеяева. Он считает, что в этом и других подобных случаях необходимо определить: является ли первый компонент такого сочетания относительным прилагательным, образованным по конверсии, или же атрибутивным компонентом сложного слова. Для этого он рекомендует применить такой способ, как проверка на сказуемость. Она особенно необходима в тех случаях, когда «она позволяет отличить прилагательное от атрибутивного компонента в сложном имени существительном, близкого семантически к прилагательному, который, как часть слова, не может переставляться без полного искажения семантики сложного слова: *морин цэрэг* ‘конная армия, кавалерия’; перестановка типа *Цэрэг морин* (*байна*) с использованием *морин* в роли сказуемого при подлежащем *цэрэг* ‘армия’ невозможна, так как дает бессмысленное содержание, нечто вроде «Армия есть лошадь», поэтому *морин* в сочетании *морин цэрэг* не слово типа относительного прилагательного ‘конный’, а составная часть сложного существительного» [Надеяев, 1988, с. 98].

С этой точки зрения сочетания *морин* со словами, обозначающими масть (их около двадцати), не являются сложными словами. Ср.: *хара морин* ‘вороной конь’ и *Морин хара* ‘Конь вороной’.

Д. Ш. Харанутова к сложным словам, входящим в словообразовательное гнездо с вершиной *морин*, относит сочетания *агсам морин* ‘горячая, ретивая лошадь’,

зантай морин ‘норовистая лошадь’ (точнее было бы *муу зантай морин* ‘норовистая лошадь’). Однако в результате проверки указанным выше способом эти сочетания не могут быть отнесены к сложным словам (ср.: *агсам морин* ‘ретивая лошадь’ и *Морин агсам* ‘Лошадь резва’, *муу зантай морин* ‘норовистая лошадь’ и *Морин муу зантай* ‘Лошадь норовиста’). Строение данного гнезда Д. Ш. Харанутова рассматривает в параграфе «Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной морин в бурятском языке» коллективной монографии, посвященной монгольскому словообразованию [Харанутова и др., 2012, с. 224–234].

При первом издании своего «Словообразовательного словаря калмыцкого языка» [1985] Д. А. Сусеева в словообразовательном гнезде с вершиной *мөр|н*⁹ ‘лошадь’ не приводит сложносоставные слова с этим компонентом, рассматриваются только аффиксальные образования:

<i>мөр н</i>	<i>мөр-ч</i>			
лошадь	коневод			
	<i>мөр-тэ</i>	—	<i>мөртэ-рх(х)</i>	—
	имеющий коня		хвастаться конем	<i>мөртэрх-г</i>
	<i>мөр-сг</i>			
	любящий лошадей			
	<i>мөр-д(х)</i> (черед. <i>ө – о</i>)			
	сидеться верхом на			
	лошадь			
	<i>мөр-л(х)</i>			
	отправляться в путь			

В 1997 г. вышло новое издание «Словообразовательного словаря калмыцкого языка», в котором структура и содержание данного гнезда не претерпели изменений [Сусеева, 1997]. Калмыцкое словообразовательное гнездо построено по ступенчатому принципу, используемому А. Н. Тихоновым в словообразовательном словаре русского языка [Тихонов, 1985, с. 10].

По мнению Д. Ш. Харанутовой, бурятское словарное гнездо (БСГ) «больше напоминает дерево с ветвями и гроздьями». Ею предлагаются выразительные термины «гроздь», «гроздевая структура», используемые синтаксистами, исследующими сложноподчиненные предложения и сложные синтаксические целые. Предложен опыт применения их при описании БСГ [Харанутова, 2012а, с. 28].

В качестве примера Д. Ш. Харанутовой приводится фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной *дуун*. Как поясняет исследователь, при таком представлении лексикон получает четкую структуризацию. Первичные производные основы напоминают ствол дерева. «От ствола (или вершины гнезда) со словом *дуун* идут два больших ответвления со значениями *дуун* ‘звук’ и *дуун* ‘песня; голос’. От ответвления со значением ‘звук’ идут ветви *дуулаха* ‘петь’, *дуугарха* ‘говорить’, *дуугай* ‘тихо, безмолвно’, *дуугуй* ‘тихий, безмолвный’, *дуутай* ‘звучный, шумный’, *дуудаха* ‘звать’, *үгэ дуу* ‘слово, звук’, от них – отростки, собирающиеся в гроздь дериватов, от деривата в грозди – свои отростки. В зависимости от степени удаленности от ствола (главного, коренного побега) дериваты цепочечно закрепляются по вертикальной оси как ветви, а по горизонтальной оси – как гроздь» [Харанутова и др., 2012, с. 28–29].

⁹ Как поясняется в Предисловии к словарю, суффиксы, не участвующие в словообразовании и не обладающие статусом самостоятельных морфем, выделяются одной вертикальной чертой, например: *асх|н* ‘вечер’, *эм|н* ‘жизнь’.

Языковеды Внутренней Монголии не строят подобных описаний гнезд. Они располагают родственные слова, начиная с вершинного, одно за другим. В качестве примера снова возьмем слово *морин* и воспроизведем полное описание этого гнезда, как оно дается у языковедов Внутренней Монголии в «Словаре корневых слов старомонгольского языка» [Secen-Сойто, 1988].

mori: *mᠮᠣᠷᠢ* (перевод данного слова на китайский язык) ‘лошадь, конь’ (1) *aytalaysan aduγu* ‘мерин’: *jegerde* ~ ‘рыжая лошадь’; *tergen-ü* ~ ‘упряжная лошадь’; (2) *unuly-a ačilyan-u aduγu* ‘лошади для верховой езды и упряжки’: ~ *-tai kümün* ‘всадник’: *qoos* ~ *-tai terge* ‘телега, запряженная парой лошадей’; (3) *arban qoyar jil-ün doloduyar* ‘название седьмого года в двенадцатилетнем цикле по лунному календарю’: *morin jil* ‘год лошади’; ~ *-tai kümün* ‘человек, родившийся в год лошади’; (4) *sar-a jiruqai-yin bilig-ün ularil-un tabaduyar sar-a* ‘пятый месяц по лунному календарю’; (5) *čay-un jiruqai-yin 11-1 čay kürtelki kem* ‘отрезок времени по лунному исчислению времени с 11.00 до 13.00’: *morin čay* ‘час лошади’; (6) <sil>¹⁰ *sitar-a-yin* (бурят. *шаатарай*) *nigen boda* ‘одна из шахматных фигур – конь’: *mori-ber šalaqu* ‘шаховать конем’; *mori-yin örügel* (бурят. *шаарма: морёо үгэлгэ*) ‘сдача коня (в шахматах)’; (7) <sil> *šay-a-yin temegen tal-a-yin esergü tal-a* (бурят. *шагай нааданай үгэ*) ‘сторона лодыжечной косточки, противоположная стороне «верблюд»’; (8) <sil> *jarim yaγuman-u tomu bocamaγai-yi jüyirlen-e* (бурят. *зэргэсүүлхэ, сасуулха*) используется при сравнении размера некоторых предметов: *morin sil* ‘стекло большого формата (букв.: конь-стекло)’; *morin camca* ‘долгополая рубаха, платье (букв.: конь-рубаха)’; *morin jügei* ‘шмель (букв.: конь-пчела)’; *morin qariyačai* (бурят. *хараасгай*) ‘ласточка-касатка (букв.: конь-ласточка)’; *jörčin-yier* (бурят. *манжа хэлээр*) *basa (mᠮᠣᠷᠢᠨ) gedeg* ‘в маньчжурском также называется «морин»’;

mori → *morilaqu* ‘приехать на коне; прибыть (<возвыш.> о высокопоставленном лице)’, *morisaγ* ‘лошаденка, подобие лошади’, *moritan* ‘конники’, *moriči* (*adaγučin*) ‘коновод, табунщик’, *morirqaqu (morirquu)* ‘хвастаться своим конем’, *morirqay* ‘имеющий много лошадей’, *morirqu* ‘похожий на лошадь’, *mordaquu* ‘отъезжать, отбывать (<возвыш.> о высокопоставленном лице); <перен.> умереть, скончаться’, *mordayulqu* ‘проводить; проститься (с умершим)’, *mordalya* ‘отъезд, отбытие’, *mordalta* ‘отъезд, отбытие’;

morila: *mᠮᠣᠷᠢᠯᠠ* (перевод данного слова на китайский язык) ‘приезжать на коне, прибывать (о высокопоставленном лице)’ (1) *mori unuqu* ‘садиться верхом на лошадь’: *morilaju yabuqu* ‘садиться верхом на лошадь и уезжать’; (2) *yabuqu sayuqu-yin күндөдкел* ‘соизволить сесть, пойти, направиться (форма выражения почти-тельного обращения)’: «*misir-ün жу (jüg)*» *mörilebesü (morilbasu) qamsaγ-a bide-ber andača (ende-eče) morilaju (moriloju qamsaγ-a kemen očiγu ilegsen-i činu zöbsiyejü)* ‘если вы отправляетесь «в сторону Египта» (т. е. на запад), не соизволите ли поехать с нами’ («*arγun qan-u bičig*»)»¹¹: *morilan sayata* ‘изволить приехать’; (3) <sil> *ükükü-yin köndüdkel* ‘<эвф.> умереть’: *tege nasutan morilaba* ‘тот старик скончался’;

morda: *mᠮᠣᠷᠳᠠ* (перевод данного слова на китайский язык) ‘садиться верхом на коня (верблюда и т. п.)’ (1) *amitan yaγuman-u deger-e unuqu jayidalaqu* ‘садиться верхом на животное и тому подобное’: *morin daγan mordaqu* ‘сесть верхом на коня’; *küjügün deger-e mordaqu* ‘<прям.> садиться на шею’; (2) *yabaqu, ködelkü* ‘уезжать, выезжать, отъезжать, трогаться’: *begejin oruqu-bar mordaba* ‘выехал в Пекин’; (3) <sil> *qarilqu, boγtulaqu* ‘уезжать на чужбину, быть выданной замуж на

¹⁰ <sil> – переносное значение.

¹¹ Цитата из «Истории Аргун-хана» на старомонгольском языке.

чужбину’: *qari-du mordaqu* ‘уезжать на чужбину, быть выданной замуж в чужие края’;

m᠋ᠣᠷᠢᠯᠠ: *m᠋ᠣᠷᠢᠯᠠ** ‘приезжать, прибывать верхом на коне’ *mori-yin egüsümel-dü üje* ‘см. в производных от *mori* ‘лошадь, конь’.

Как видно из приведенного выше материала, языковеды Внутренней Монголии в общем следуют тем же принципам выделения корневой морфемы и выстраивания слова в словообразовательной цепочке, что и российские языковеды. Сложная морфемная структура слова в монгольских языках (в том числе и бурятском), обусловленная их агглютинативным строем, требует многостороннего подхода. Нам представляется, что при структурировании словообразовательного гнезда следует придерживаться ступенчатого принципа, при необходимости дополняя его гроздевым, и, так же как и исследователи из Внутренней Монголии, сопровождать члены гнезда кратким толкованием их значений. Применение гроздевого принципа наряду с основным ступенчатым будет безусловно необходимо в гнездах с вершиной – высокопродуктивным корнем, от которой могут последовательно образовываться как имена, так и глаголы, способные далее образовывать собственные крупные ответвления, как, например, в приведенном в работе слове *дуун* с ответвлениями со значениями ‘звук’ и ‘песня; голос’

Список литературы

- Грамматика бурятского языка. Фонетика, морфология / Редкол.: Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыдендамбаев. М.: ИВЛ, 1962. 340 с.
- Краткий справочник по современному русскому языку. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Леканта. М.: Высш. шк., 1995. 384 с.
- Наделяев В. М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск: Наука, 1988. 112 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
- Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста: Калмиздат, 1985. 244 с.
- Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста: Калмиздат, 1997. 312 с.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1: Словообразовательные гнезда. А–П. 856 с.
- Харанутова Д. Ш. Бурятское словообразование: структурно-семантическая организация: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2012а. 40 с.
- Харанутова Д. Ш. Словообразование бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2012б. 270 с.
- Харанутова Д. Ш., Сусеева Д. А., Онорбаян Ц. Монгольское словообразование: структура и способы. Улан-Удэ, 2012. 261 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 148 с.
- Цыдыпов Ц. Ц. Буряад хэлэнэй морфологи: Дунда хургуулин багшанарай, студентнэрэй, аспирантнарай хэрэглэхэ хуралсалай ном. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1988. 188 н.
- ᠎ᠠᠭᠡᠭᠡᠯᠡᠢ. Odo-a üy-e-yin mongyol kelen-ü jüi. Öber Mongyol-ün arad-un keblel-ün qorigu-a, 1984. 601 n. (Чингэлтэй. Грамматика монгольского языка. Хухэ-хото: Комитет народного издательства Внутренней Монголии, 1984).
- ᠎ᠠᠭᠡᠨ-ᠴᠣᠣᠲᠤ. Mongyol üges-ün ijaγur-un toli. Übür-Mongyol-un arad-un keblel-ün qorigu-a, 1988. 2973 n. (Сэцэн-Цогто. Словарь корневых слов старомонгольского языка. Хухэ-хото: Комитет народного издательства Внутренней Монголии, 1988).

L. D. Shagdarov¹, B. D. Tsyrenov²

*The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*
¹ smih1@mail.ru, ² tsyrenovbabasan@mail.ru

The derivational nest in mongolian studies in China and Russia

This paper is devoted to a comparative analysis of the structure of the derivational nest in Mongolian studies in China and Russia. Mongolian studies in China date back to the mid-20th century, and it starts in Russia at the same time. Studies of the grammar of the Buryat (Ts. B. Tsydendambaev) and Mongolian (Chingeltey) languages confirmed the identity of the fundamental, constitutive signs of their order. There are two main parts in the derivative word in these languages: the root (*ijayur*) and the suffix (*dayaburi*), but there are no prefixes and infixes.

Suffixes have either a lexical or grammatical meaning or combine both values. It is noted that the root morphemes are used as independent words, and the roots that are not used without any suffixes are classified as non-independent. The order of morphemes in the derivative word in Mongolian languages is represented by a chain, with the root in the beginning followed by the word-formative suffix, inflectional suffix, and the inflectional finite suffix. The features of these three principles of the derivational nest structure are illustrated by the example of a word with the meaning «horse». Specificity of the structure of the word-building nest in Chinese Mongolian studies (in the Dictionary of Root Words of the Old Mongolian Language) consists in the linear arrangement of derived words (chain principle). The Russian Mongology, following Russiology, applies the step-by-step principle of the nest structure (the word-formation dictionary of the Kalmyk language), Buryat linguistics proposes a cluster principle (D. Sh. Haranutova). The peculiarity of this principle is that the primary non-derivative bases resemble the tree trunk (or the top of the nest): branches come from the trunk, then sprouts come that gather into clusters of derivatives. The derivatives are chain-wise fixed on the vertical axis as branches, and along the horizontal axis – as bunches, depending on the degree of distance from the trunk (from the root shoot).

Based on the comparative study of the principles of the structure of the word-building nest in Mongolian languages, the authors came to the conclusion that the main principle must be recognized as a step-by-step principle that can be supplemented with cluster principle. Emphasis is placed on the need to accompany the elements of the nest with a brief interpretation in the original language.

Keywords: word formation, derivational nest, dictionary, Mongolian languages.

DOI 10.17223/18137083/59/15

References

- Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika, morfologiya* [Grammar of the Buryat language. Phonetics, morphology]. G. D. Sanzheev, T. A. Bertagaev, Ts. B. Tsydendambaev (Eds). Moscow, IVL, 1962, 340 p.
- Kratkiy spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku* 2-e izd., ispr. i dop. Ed. by P. A. Lekant [A brief guide to the modern Russian language. rev. and add. P. A. Lecant (Ed.)]. Moscow, Vysshaya shkola, 1995, 384 p.
- Nadelyaev V. M. *Sovremennyy mongol'skiy yazyk. Morfologiya* [The modern Mongolian language. Morphology]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 112 p.
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. T. 1* [The comparative Grammar of the Mongolian languages. Vol. 1]. Moscow, Izd. AN SSSR, 1953, 240 p.
- Suseeva D. A. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' kalmytskogo yazyka* [Word-formation Dictionary of the Kalmyk language]. Elista, Kalmizdat, 1985, 244 p.
- Suseeva D. A. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' kalmytskogo yazyka* [Word-formation Dictionary of the Mongolian and Kalmyk languages]. Elista, Kalmizdat, 1997, 312 p.

- Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: V 2 t. Ok. 145 000 slov. T. 1: Slovoobrazovatel'nye gnezda. A–P* [The word-formation dictionary of the Russian language: in 2 vols. About 145 000 words. Vol. 1: Word-formative nests. A–P]. Moscow, Russkiy Yazyk, 1985, 856 p.
- Kharanutova D. Sh. *Buryatskoe slovoobrazovanie: strukturno-semanticheskaya organizatsiya* [Buryat word-formation: structural-semantic organization]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Ulan-Ude, 2012b, 40 p.
- Kharanutova D. Sh. *Slovoobrazovanie buryatskogo yazyka* [Buryat word-formation]. Ulan-Ude, Izd. Buryat. univ., 2012b, 270 p.
- Kharanutova D. Sh., Suseeva D. A., Onorbayan Ts. *Mongol'skoe slovoobrazovanie: struktura i sposoby* [The Mongolian word-formation: the structure and process]. Ulan-Ude, 2012, 261 p.
- Tsydendambaev Ts. B. *Grammaticheskie kategorii buryatskogo yazyka v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Grammatical categories of the Buryat language in historical and comparative studies]. Moscow, Nauka, 1979, 148 p.
- Tsydyпов Ts. Ts. *Buryaad kheleney morfologi* [Morphology of the Buryat language]. Ulaan-Ulaan-Yde: Buryaaday nomoy kheblel, 1988, 188 p.
- Čenggeltei. *Odo-a üy-e-yin mongyol kelen-ü jüü*. Öber Mongyol-ün arad-un keblel-ün qoriy-a, 1984, 601 p. (Chingeltey. *Grammatika mongol'skogo yazyka*. Khukhe-khoto: Komitet narodnogo izdatel'stva Vnutrenney Mongolii, 1984). [Morphology of the Mongolian language].
- Secen-Coyto. *Mongyol üges-ün ijayur-un toli*. Übür-Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1988, 2973 p. (Setsen-Tsogto. *Slovar' kornevykh slov staromongol'skogo yazyka*. Khukhe-khoto: Komitet narodnogo izdatel'stva Vnutrenney Mongolii) [The Dictionary of root words of the Mongolian language].